

Понимание преступления, преступности, наказания в контексте циклического политогенеза Российского государства

Р. А. Ромашов

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Исследование категорий «преступление», «преступность», «наказание» предлагается осуществлять, основываясь на методе циклического политогенеза, предполагающего выделение в истории централизованного национального Российского государства трех дискретных (не связанных общей политико-правовой традицией) циклов: монархического, советского республиканского, президентского республиканского.

В рамках названных циклов формируется собственная, качественно отличная от других концептуальность в понимании феноменов преступление и преступность, а также в определении целей и механизмов реализации уголовно-правовой ответственности в целом и уголовного наказания в частности.

Рассмотрение феноменов преступления, преступности, наказания в качестве самостоятельных элементов национальной правовой культуры, которые вследствие своей объективности не могут быть устранены путем правоприменительной деятельности государства, актуализирует проблему сосуществования государства и преступности как враждебных и вместе с тем взаимно обуславливающих явлений. В складывающихся обстоятельствах практической целью государственного противодействия преступности является ее ограничение до оценочных показателей, не представляющих существенной общественной опасности.

Ключевые слова: государство, преступление, преступность, наказание, циклический политогенез, уголовный закон, маргинальность.

Для цитирования: Ромашов Р. А. Понимание преступления, преступности, наказания в контексте циклического политогенеза Российского государства // Ленинградский юридический журнал. – 2023, – № 3 (73). – С. 61–77. DOI: 10.35231/18136230_2023_3_61. EDN: RMMIIP

Understanding Crime, Criminality, Punishment in the Context of the Cyclical Politogenesis of the Russian State

Roman A. Romashov

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

It is proposed to study the categories crime, delinquency, and punishment based on the method of cyclic politogenesis, which involves identifying three discrete (not related to the general political and legal tradition) cycles in the history of the centralized national Russian state: monarchical, Soviet republican, presidential republican.

Within the framework of these cycles, our own conceptual framework, qualitatively different from others, is formed in understanding the phenomena of crime and delinquency, as well as in determining the goals and mechanisms for the implementation of criminal liability in general and criminal punishment in particular.

Consideration of the phenomena of crime, crime, punishment as independent elements of national legal culture, which, due to their objectivity, cannot be eliminated through the law enforcement activities of the state, actualizes the problem of the coexistence of the state and crime, as hostile and at the same time mutually determining phenomena. In the current circumstances, the practical goal of the state counteraction to crime is to limit it to estimated indicators that do not pose a significant public danger.

Key words: state, crime, criminality, punishment, cyclical politogenesis, criminal law, marginality.

For citation: Romashov, R. A. (2023). Ponimanie prestupleniya, prestupnosti, nakazaniya v kontekste ciklicheskogo politogeneza rossijskogo gosudarstva [Understanding Crime, Criminality, Punishment in the Context of the Cyclical Politogenesis of the Russian State]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 3. Pp. 61–77. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2023_3_61. EDN: RMMIIP

Введение

Категории «преступление», «преступность», «наказание» являются столь же часто используемыми в юридической терминологии, что и их правовые антиподы: «закон» и «законность». Преступления так же, как и закон, представляют собой элементы культуры, не существующие в отрыве друг от друга. Более того, при помощи узаконенных средств и методов нередко осуществляются различные злоупотребления, а преступления в ряде случаев совершаются во имя достижения благих целей [6; с. 255–263]. Однако в отличие от «позитивного» права, принадлежность которого к культурному достоянию человеческой цивилизации не оспаривается практически никем, общетеоретические и культурологические аспекты понимания феноменов «преступление» и «преступность» исследованы в явно недостаточном объеме.

В статье исследование вышеназванных понятий предлагается осуществлять, основываясь на методе циклического политогенеза, предполагающего выделение в истории централизованного национального Российского государства трех дискретных (не связанных общей политико-правовой традицией) циклов: монархического, советского республиканского, президентского республиканского. Для каждого из названных циклов характерна собственная, качественно отличная от других концептуальность в понимании феноменов «преступление» и «преступность», а также в определении целей и механизмов реализации уголовно-правовой ответственности в целом и уголовного наказания в частности.

Понимание преступления, преступности, наказания в контексте циклического политогенеза российского государства

В рамках формального (узкоюридического) подхода преступление представляет собой уголовно-правовое

понятие: «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания». Если основываться на приведенной дефиниции, то преступление – это деяние, предусмотренное в качестве такового действующим уголовным законом. В подобном контексте в отечественной юриспруденции преступление начинает пониматься не ранее середины XIX в., а именно с момента принятия первого в полном смысле этого слова кодифицированного законодательного акта «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» (1845), в котором была закреплена следующая дефиниция: «Преступлением ... признается как самое противозаконное деяние, так и неисполнение того, что под страхом наказания уголовного или исправительного законом предписано». В предшествующий период теоретическая модель преступления отсутствовала.

Дифференциация преступлений и проступков не проводилась, равно как отсутствовало отраслевое деление правонарушений. В таких известных источниках русского и российского права, как «Русская правда» (XI–XIII вв.), «Соборное уложение» (1649), «Артикул воинский» (1715), отсутствуют общие положения, в рамках которых раскрывается понятийный аппарат, используемый для характеристики как самих преступных деяний, так и ответственности за их подготовку и совершение. Понять, что речь идет о правонарушениях, можно исключительно логическим путем, используя смысловую цепочку: «противоправное деяние – негативная ответственность – наказание». При этом в одних и тех же документах рассматривались и преступления, и проступки, имеющие отношение к другим отраслям правового регулирования. В частности, в ранее упомянутом «Артикуле воинском», наряду с сугубо уго-

ловными статьями¹ содержались нормы из иных отраслей права². Кроме того, наблюдался существенный «разброс» в подходах к пониманию субъекта преступления. Вместе с физическими лицами в качестве субъектов рассматривались коллективные образования³.

Можно констатировать, что до тех пор, пока в России не была проведена уголовно-правовая кодификация, в рамках которой получила свое юридическое закрепление дефиниция преступления, в отечественной юридической практике использовался казуистический подход, в соответствии с которым преступным считалось деяние, за которое предусматривалась наиболее тяжелая юридическая ответственность (смертная казнь, членовредительство, денежная компенсация или штраф). Существовавшая неопределенность в отношении теоретической модели преступления обуславливала практическое отсутствие научных разработок в области понимания и оценки производных от феномена преступления явлений преступности, личности преступника, преступных организаций и т. п.

Проведенная в середине XIX в. кодификация уголовного законодательства предшествовала судебной реформе 1864 г., сыгравшей роль катализатора масштабных изменений в структуре и содержании механизма правового регулирования практически во всех отраслях российского права. Вторая половина XIX – начало XX в. – время, когда российская юридическая наука и правоприменительная практика активно развиваются в контексте «европейского правового дискурса». В этот период появляются первые

¹ См.: Артикул 154. Кто кого волею или нарочно без нужды и без смертного страху умертвит, или убьет его тако, что от того умрет, онаго кровь паки отмстить, и без всякой милости оному голову отечь.

² См.: Артикул 169. Ежели муж женатый с женою замужнею телесно смешаетца, и прелюбодеяние учинят, оные оба наказаны да будут, по делу и вине смотря.

³ См.: Артикул 97. Полки, или роты, которые с неприятелем в бой вступя, побегут, имеют в генеральном военном суде суждены быть.

серьезные системные исследования в области истории и теории российской преступности. Такие авторы, как Н. А. Неклюдов, Е. Н. Анучин, Е. Н. Тарновский, П. Н. Ткачев и др., опираясь преимущественно на статистические методы анализа, пытались выстроить логически последовательную модель, в которой преступность рассматривалась как явление, объективно присущее любому обществу на любом историческом этапе его развития [1; с. 376–381]. При этом с учетом сословного структурирования населения Российской империи и преимущественно сельскохозяйственным типом экономики, предполагавшим в качестве основного типа поселений деревни и села, делался вывод о дифференциации преступности на «благородную» и «простонародную», с акцентированием внимания на формировании организованной преступности преимущественно в городских поселениях.

Системный подход к пониманию преступности имел своим следствием появление аналитических исследований, связанных с характеристикой личности преступника, а также структурированием преступной среды, в основу формирования и функционирования которой были положены устойчивые стереотипы криминальной субкультуры. Личностная характеристика преступников осуществлялась под влиянием европейских криминологов, полагавших, что человек может быть изначально наделен склонностями к совершению преступлений, которые под воздействием социального окружения могут как активизироваться, так и сдерживаться (теория Ч. Ломброзо). Признание преступного мира формой социальной организации обусловило его структурирование, в рамках которого выделялись представители криминальной элиты – «Иваны», профессиональные преступники «храпы» и «игроки», а также криминальный «плебс» – «жиганы» и «шпанка» [2].

Понимание преступности непосредственным образом влияло на организацию системы уголовных наказаний. В Российской империи уголовно-исполнительная система в функциональном аспекте руководствуется двумя основными целями: социальной изоляцией (лишением свободы) лиц, совершивших преступления, и аккультурацией окраинных владений державы. С последним была связана техника исполнения наказаний, предполагавшая по возможности максимальное удаление лиц, признанных виновными в совершении преступлений, от культурных центров. Наличие двух основных способов передвижения: сухопутного (пешего) и водного, предопределило порядок доставки осужденных к местам исполнения наказаний. Известный российский журналист В. М. Дорошевич писал: «Каторжане ... доставляются на Сахалин двумя путями: или "сплавляются" морем, через Одессу, или идут Сибирью, через Кару. Соответственно этому, каторжники делятся на "кругоболотинцев" или "галетников", и "каринцев" или "терпигорцев". Название "галетник" – название даже слегка презрительное.

– Что они там видели? Плыли да ели галеты. Только и всего!

Тогда как "каринцы" пользуются и некоторым почетом и уважением каторги. Странствуя по сибирским этапам, они натерпелись горя, почему и зовутся "терпигорцами"» [2].

С учетом огромных расстояний и примитивных средств перемещения процесс исполнения наказания в имперской России складывался из двух составляющих: следования к месту отбытия наказания и собственно пребывания в нем. Сибирский тракт, соединявший западную и восточную части Великой империи, имел протяженность около 11 тыс. км. Его использование для перемещения осужденных повлекло за собой появление народного названия «кандальный тракт». Для того чтобы закованные в кан-

дали осужденные добрались из Санкт-Петербурга в Иркутск, требовалось около двух лет, еще примерно столько же уходило на то, чтобы добраться до Сахалинского и Охотского каторжных поселений¹. С учетом названных особенностей в структуру уголовно-исполнительной системы Российской империи входили следующие виды учреждений: каторжные остроги (каторги), центральные каторжные тюрьмы (централы), пересыльные тюрьмы, исправительные арестантские отделения, арестные помещения при тюрьмах, полицейских подразделениях и мировых съездах².

Великая Октябрьская социалистическая революция стала своего рода водоразделом, поделившим традиционную культуру российского общества на два антагонистических образования: монархическое прошлое и советское настоящее. В рамках последнего подверглись качественному переосмыслению практически все основополагающие социально-культурные и политико-правовые ценности и принципы. В том числе существенным образом изменилось представление о преступности, которая в условиях «прогрессивного» советского государства рабочих и крестьян воспринималась в качестве социально-исторического анахронизма, которому, равно как и религии в обозримом будущем, должно было быть уготовано место на «свалке истории».

На первоначальном этапе советского строительства превалировал классовый подход к пониманию и структурированию преступности. Считалось, что наиболее опасной формой преступности является контрреволюционная деятельность, что же касается общеуголовной преступности, то советская власть относилась к ней двой-

¹ Великий кандалный путь [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/78447-velikiy-kandalnyy-put.html> (дата обращения: 30.08.2023).

² Ромашов Р. А. Энциклопедия пенитенциарного права. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2013. С. 85.

ственно. По отношению к злостным рецидивистам постулировалось, что они представляют опасность не столько для потерпевших, сколько для советского государства в целом. Что же касается «классово близких» уголовных элементов, совершивших преступления впервые либо неумышленно, то они считались «оступившимися», соответственно наказание рассматривалось как средство «социальной терапии», применяемое для «излечения от преступного дурмана» с последующим возвращением в «передовые ряды строителей социализма».

Состоявшийся в середине 30-х гг. XX в. переход от революционной к социалистической законности, получивший закрепление в Конституции СССР 1936 г., обусловил переосмысление феноменов «преступление» и «преступность» применительно к государственно-правовой системе «победившего социализма». Сохраняющаяся классовая природа государства и права претерпела существенные изменения применительно к пониманию преступности и карательной политики государства. Уравнивание советских граждан в конституционных правах одновременно предполагало такое же отношение в сфере уголовно-правовой ответственности как за общеуголовные, так и за политические преступления. В эпоху большого террора (1936–1938 гг.) к ответственности по печально известной 58-й статье УК РСФСР 1922 г. (контрреволюционные преступления, измена Родине, шпионаж) советские граждане привлекались, независимо от социального происхождения и правового статуса.

Осуществляемая в 30-х гг. XX в. индустриализация требовала большого числа рабочих рук. При этом государство, не желая и не имея возможности справедливо оплачивать производительный труд, пошло по традиционному для России пути широкомас-

штабного внедрения трудовой повинности в отношении представителей «недружественных» новой власти групп населения, к числу которых относились лица, осужденные за реальные и мнимые преступления. Советская социалистическая экономика на всех этапах государственного развития активно использовала труд заключенных, что, с одной стороны, обуславливало широкомасштабное использование наказаний, связанных с лишением свободы за малозначимые преступления (незначительные кражи, хулиганство, тунеядство и др.), а с другой – предполагало расположение учреждений УИС в непосредственной близости со строящимися либо функционирующими объектами производственно-хозяйственной деятельности [5; с. 348–352].

Говоря о научном понимании феноменов «преступление», «преступность», «наказание» в государстве «победившего», а впоследствии «развитого» социализма, необходимо отметить, что принятая в СССР на высшем уровне государственной власти концепция понимания и оценки преступности опиралась не на научно-криминологические положения и выводы, а на партийно-идеологические установки. В частности, один из лидеров Советского государства, Н. С. Хрущев, неоднократно заявлял о недопустимости перехода к коммунистической модели общежития при сохранении пережитков «старого времени», к числу которых относились преступники и попы [3; с. 115–119]. Требования власти полностью «искоренить» преступность обуславливали фальсификацию отчетности правоохранительных органов, что на практике приводило к негативным последствиям. «Замалчивание» проблем, связанных с противодействием преступности и прежде всего ее организованным формам, во многом обусловило «криминальный беспредел лихих 90-х», когда

вновь образованное Российское государство оказалось фактически не готовым противостоять разгулу преступности и бандитизма¹.

В современных условиях преступность воспринимается как объективное социальное явление – форма криминальной (девиантной) субкультуры, носителями которой выступают как люди с перерожденным правосознанием (представители профессиональной организованной преступности), так и многочисленные маргиналы, относящиеся к преступному поведению как к одному из возможных и нравственно допустимых средств осуществления и защиты собственных интересов [7].

Признание объективной природы преступности актуализирует проблему соотношения и взаимодействия преступности и государства. С одной стороны, государство в лице органов государственной власти и должностных лиц (государственных чиновников) квалифицирует преступные деяния как общественно вредные и стремится их предотвратить и пресечь. Соответственно, борьба с преступностью рассматривается в качестве цели государственной деятельности и одного из механизмов обеспечения национальной безопасности. Рассмотрение преступности как системной угрозы объективного характера получило свое отражение в ст. 210 УК РФ (Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)), ст. 210.1 (Занятие высшего положения в преступной иерархии). Получается, что государство фактически признает существование в социальной системе общества устойчивых криминальных групп (преступных сообществ), характеризующихся иерархической структурой и подчиняющихся в своем функционировании

¹ Дьячковский С. А. Противодействие преступности в условиях новой тенденции криминальной ситуации в России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань: Академия права и управления Министерства юстиции РФ. 2004. 54 с.

обязательным социальным нормам – «криминальным понятиям». При этом государство, привлекая лицо к ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии, тем самым фактически легализует его неформальный статус «вора в законе». С учетом действия принципа недопустимости повторного наказания за одно преступление получается, что лицо, отбывшее наказание по соответствующему обвинению и не отказавшееся от своего криминального «звания», не может быть повторно привлечено к уголовной ответственности исключительно за статусное положение.

Осознание объективной природы преступности и, как следствие, невозможности ее ликвидации как социально-культурного явления, а также признание за преступным миром способности к организации, специализации, профессионализации обуславливает выстраивание отношений, в которых открытый конфликт между конкретными субъектами (сотрудниками правоохранительных органов и субъектами подозреваемыми/обвиняемыми в совершении преступлений) сосуществует с «теневым партнерством», в рамках которого государство и преступность выступают в качестве «недружественных» субъектов, вынужденных сосуществовать в ограниченном пространстве государственной юрисдикции [4; с. 124–126]. При этом организационный аспект понимания государства и преступного мира предполагает их взаимное влияние, выражающееся в двухстороннем осуществлении оперативных мероприятий, аналогичных разведке-контрразведке в сфере межгосударственных коммуникаций.

Заключение

В заключительной части следует сформулировать ряд обобщающих выводов.

Культурологический аспект понимания преступления, преступности, наказания позволяет рассматривать их в качестве самостоятельных элементов национальной правовой культуры, которые вследствие своей объективности не могут быть устранены путем правоприменительной деятельности государства, однако могут и должны быть ограничены до показателей, не представляющих существенной общественной опасности.

Метод циклического политогенеза предполагает выделение в истории государственно-правовой системы России трех дискретных циклов (монархического/имперского, советского республиканского, президентского республиканского), являющихся формально-содержательными контекстами понимания преступления и преступности, а также определяющих особенности уголовной политики государства в сфере реализации уголовно-правовой ответственности и механизме исполнения наказаний.

Для Российской империи характерна европейская модель понимания преступления, преступности, наказания. Сельскохозяйственная модель экономики и сельско-деревенская модель поселений обусловила достаточно низкий уровень криминальной организации и профессионализации, характерной преимущественно для урбанизированной системы общежития в условиях индустриальной экономики. Вместе с тем усилившаяся во второй половине XIX в. тенденция к капитализации национальной экономики обусловила отток крестьянского населения в города с последующей его маргинализацией и криминализацией, что, в свою очередь, привело к росту организованной преступности, которая в Российской империи была представлена двумя «кластерами»: общеуголовным и политическим. Особенностью государственной пенитенциарной поли-

тики в рассматриваемый период являлось по возможности максимальное отдаление субъектов преступлений от геосоциальной сферы криминальной активности. При этом государство стремилось тем самым достичь двух целей: максимально затруднить (или сделать невозможным) возвращение лица в среду, благоприятную для криминальной деятельности; обеспечить заселение и аккультурацию «дикого востока» (по аналогии с североамериканским «диким Западом»).

Россия как советская социалистическая республика отрицала позитивный опыт имперской государственно-правовой системы. Провозглашенный в качестве основополагающего принципа мировосприятия классовый подход обусловил понимание преступления и преступности либо в качестве отмирающего архаизма – «наследия старого мира», либо как результат «тлетворного влияния гнивающего империализма». Советское общество, представленное «нерушимым союзом коммунистов и беспартийных» в своей целостности, отвергало криминал, неуклонно продвигаясь к победе коммунизма. При таком подходе невозможны были организованные и профессиональные формы преступности. Также нельзя было говорить о росте преступности, которая «должна» была неуклонно снижаться с тем, чтобы исчезнуть в коммунистическом обществе. Качественные трансформации претерпел также институт уголовного наказания. Вступление Советской России в эпоху индустриализации обусловило «промышленную революцию», в качестве значимой движущей силы которой выступали заключенные, практически бесплатно трудившиеся на всех более-менее значимых стройках социализма и представлявших важную составляющую социалистической экономики.

В современной России понимание преступления осуществляется в рамках формально-юридического

подхода, в соответствии с которым преступным является вредоносное деяние, ответственность за совершение которого закрепляется в действующем уголовном кодексе. Преступность является объективным социальным явлением, возникающим одновременно с государством и правом, а также трансформирующимся в ходе социально-культурного и политико-правового развития. Невозможность уничтожения преступности диктует необходимость выработки принципов ее сосуществования с государством. Последнее одновременно выступает в качестве инструмента противодействия преступности и социальной среды, ее порождающей. Наказание в современных условиях призвано выполнять две основные функции: собственно карательную и воспитательную. Кроме того, существенное внимание уделяется пенитенциарной ресоциализации.

Оценивая состояние современной российской уголовной политики, следует обратить внимание на дихотомию, связанную с гуманизацией отношений «внутри» государственной уголовно-исполнительной системы и дегуманизацией в сфере взаимодействия государства с гражданами, по тем или иным обстоятельствам подвергшимся уголовному преследованию. Несмотря на конституционный принцип презумпции невиновности, в соответствии с которым виновным в совершении преступления человека может признать только суд, в реальности фактически виновным считается любой гражданин, в отношении которого возбужденное уголовное дело было прекращено по нереабилитирующим обстоятельствам. То же самое можно сказать по отношению к лицам с погашенной или снятой судимостью. Подобная двойственность, безусловно, негативно влияет на легитимацию как системы уголовно-правовой ответственности, так и государства в целом. Последнее, по мнению значительной части

граждан, ассоциируется в первую очередь не с гарантией и защитой индивидуальных интересов, а с угрозой, подобной той, которую представляет преступность, за тем исключением, что угроза, исходящая от государства, носит неизбежный характер, так как не зря сказано: «От суммы и от тюрьмы не зарекайся».

Список литературы

1. Данчевская А. В. Уголовная преступность в Российской империи в конце XIX – начале XX в.: к вопросу об историографии проблемы (дооктябрьский период) // Вестник ИрГТУ. – 2015. – № 5 (100). – С. 376–381.
2. Дорошевич В. М. Каторга. Южно-Сахалинск: Рубеж, 2012.
3. Курицына Е. В. Преступность в советском обществе в 1953–1964 гг. (Социально-криминологический аспект) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – 2007. – С. 115–119.
4. Кошелюк Б. Е. Профилактика организованной преступности: основные проблемы // Прикладная юридическая психология. – 2016. – № 4 (37). – С. 124–126.
5. Лукин В. К. Использование труда заключенных в довоенном СССР // Образование и наука в современных условиях. – 2015. – № 4 (5). – С. 348–352.
6. Ромашов Р. А. Преступность и криминогенность как предметные области философско-правового анализа // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 3 (41). – С. 255–263.
7. Степаненко Р. Ф. Преступность лиц, ведущих маргинальный образ жизни, и ее предупреждение. Казань. Изд-во Казанского гос. ун-та, 2008.

References

1. Danchevskaya, A. V. (2015) Ugolovnaya prestupnost v Rossiyskoy imperii v kon-tse XIX – nachale KhKh v.: k voprosu ob istoriografii problemy (dooktyabrskiy period) [Criminal criminality in the Russian Empire at the end of the XIX – beginning of the XX century: on the question of the historiography of the problem (pre-October period)]. *Vestnik IrGTU – Proceedings of Irkutsk State Technical University*. No. 5 (100) Pp. 376–381. (In Russian).
2. Doroshevich, V. M. (2012) Katorga. Yuzhno-Sakhalinsk: Rubezh [Hard labor. Yuzhno-Sakhalinsk: Rubezh]. (In Russian).
3. Kuritsyna, E. V. (2007) Prestupnost v sovetskom obshchestva v 1953–1964 gg. (Sotsialno-kriminologicheskii aspekt) [Crime in Soviet society in 1953–1964. (Socio-criminological aspect)]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo – Proceedings of PSPU named after V. G. Belinsky*. Pp. 115–119. (In Russian).
4. Koshelyuk, B. E. (2016) Profilaktika organizovannoy prestupnosti: osnovnyye problem [Prevention of organized crime: the main problems]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya – Applied legal psychology*. No. 4 (37). Pp. 124–126. (In Russian).

5. Lukin, V. K. (2015) Ispolzovanie truda zaklyuchennykh v dovoennom SSSR [The use of prisoners' labor in the pre-war USSR]. *Obrazovanie i nauka v sovremennykh usloviyakh – Education and science in modern conditions*. No. 4 (5). Pp. 348–352. (In Russian).

6. Romashov, R. A. (2015) Prestupnost i kriminogennost kak predmetnye oblasti filosofsko-pravovogo analiza [Crime and criminogenicity as subject areas of philosophical and legal analysis]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 3 (41). Pp. 255–263. (In Russian).

7. Stepanenko, R. F. (2008) Prestupnost lits, vedushchikh marginalnyy obraz zhizni, i ee preduprezhdenie. Kazan [Criminality of persons leading a marginal lifestyle and its prevention]. *Izdatelstvo Kazanskogo gos. un-ta – Publishing House of Kazan State University*. (In Russian).

Об авторе

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-9777-8625, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

About the author

Roman A. Romashov, Dr. Sci. (Law), Professor, Pushkin Leningrad State University, Honored Scientist of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-9777-8625, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Поступила в редакцию: 31.08.2023
Принята к публикации: 09.09.2023
Опубликована: 30.09.2023

Received: 31 August 2023
Accepted: 09 September 2023
Published: 30 September 2023